

Туманова

ОНИ И ОНА

Москва
2006

УДК 74.04

ББК 371

Т 84

Туманова

Т 84 Он и она. Избранное. — М.: Вердана, 2006. — 106 с.

ISBN 5-901439-25-7

УДК 74.04

ББК 371

ISBN 5-901439-25-7

© Туманова, 2006

*Она говорила “мой”,
Он ей шептал “моя”.
Однажды в какой-то год
Смеялась до слез луна.*

Часть первая

**Рассказы,
черновые наброски**

* * *

Бродит молчаливый день.
Словно прохожий,
заползает утром в постель.
В паутине глупых тем, линий несхожих,
тело занесло на мель.
Выплываю на песок,
все зовет и манит,
Райский куст в долине цветет.
В рукавах застряла ночь,
скрыться не может,
день за днем украдкой ползет.
Малиновый рассвет встает.
Мне на плечи наступил день,
что не прожит, прожитого — серая тень.
Пульс играет струной, бежит из кожи,
серебрится в дождь капель.
Через крыши вижу свет,
стены так прозрачны,
что к чему, взгляд не поймет.
Новый день прогонит
ночь радугой в тумане,
луч прорвется, солнце взойдет.
Малиновый рассвет встает.

* * *

Он живет совсем недалеко
от этой женщины и видит ее
непонятную многим жизнь.
Что бы она ни говорила, ему нравится.
Хотя она может обидеть слишком
больно подмеченной реальностью.
Очень-очень часто смеется он
от сказанного ею, как ребенок,
или плачет. Он играет? Зачем?
Говорит, все это умно.
Ну к чему ему лгать?
Возможно, это только ему
так нравится все, что она думает.
Сомнения вокруг нее появились
еще до рождения. Сомнения не
могут без этой женщины жить.
Они пропитали воздух вокруг,
он измучился разгонять
эти бесстыжие существа.
Она иногда начинает верить ему,
что, как хрупкий цветок,
хороша в своей утонченности,
мыслях необычных

и мелодиях незатейливых,
но, подобно лепесткам, временами
сникает в своих сомнениях.
Ему нельзя быть далеко!
Цветы не оставляют...

Я и Ты

Сначала я так и думала,
просто мне казалось —
это я, реальная! А это он,
неожиданно возникший,
самый желаемый и нежный,
загадочный, еще не понятый,
но уже с появлением первых
стихов уходящий...
Это как магия: есть любовь,
причиняющая нестерпимую боль,
но нет стихов. Появляются стихи,
уходит боль, ты исчезаешь в ином
пространстве страниц —
Ты и Я, это оказалось гораздо
больше, чем просто мы...
Возможно, это те двое,
что идут навстречу, обнявшись,

по другой стороне улицы,
и их путь так не похож на наш.
Никто из них не напишет стихов,
они пройдут мимо, не разжимая рук.
Возможно, это старик и старушка,
они, не обращая внимания
на московскую грязь,
выползают на солнышко,
посидеть плечо к плечу
все на те же Чистые
или Патриаршие пруды
и улыбаются своими морщинистыми
лицами всем влюбленным на свете.
Или это те, не чужие мне дети,
которым давно уже кажется,
что про любовь уж им то известно
все лучше, чем мне, эти дети
уверены: они взрослее взрослых
и мудрее мудрых.
Просто, в силу каких-то законов
получилось, что моя любовь
и мой "ты" оказались близкими
и понятными всем этим
разным людям вокруг.

* * *

Я люблю разговаривать с людьми
на улице, в магазине, спрашивать совета,
сочувственно кивать головой.

Меня за это всегда ругают мои близкие,
им, видно, стыдно за мою неожиданную
словоохотливость.

Ни к чему не обязывающая болтовня
порой бывает весьма интересна.

Некоторые темы оседают в мозгах
и потом еще какое-то время
там пульсируют. А вот с гостями,
старыми друзьями и родственниками
не просто. Лучше молчать.

После последнего прихода гостей
я вообще не могла вспомнить,
да и о чем собственно?.. Кто был?..

Нет, я не была пьяна,
я вообще была за рулем.

Научилась я все-таки с годами
(хвала психологам)

выстраивать блоки и защиты...

Но чтобы вообще гостей не заметить...

А вот на улице поговорить люблю.

* * *

Мужчины...

Если их делят на однолюбов
и бабников, то это не верно.

Ни один однолюб не уделяет весь
свой внутренний мир ей одной.

Порой присутствует еще более
сильная, чем у бабников, страсть.

Это или любовь к шикарным
автомобилям, или влюбленность
в некий свой спорт, возможно,
охота, рыбалка... Как часто для
художников и музыкантов холсты,
краски и звуки затмевают ее,
ту единственную, возможно,
изначально и музу...

* * *

У него всегда было множество
женщин. Что в нем такого
особенного, нет же, они сходили с ума!
Многие знали про существование
друг друга, страдали и ревновали.

А он — преуспевающий,
уверенный в себе, веселый.
Да нет, не нахал, даже, пожалуй,
наоборот. Добрый, женат,
очень внимателен. Но, нет, не мог
он без них, таких разных...
Водоворот, жизнь бьет ключом,
он герой...

* * *

Она мыслями уже была
где-то очень далеко.
Ловила машину
и собиралась уезжать,
оставляя его одного на
автобусной остановке.
Тысячи раз он делал то же самое,
оставлял их, стараясь
не смотреть в те глаза.
Оправдываясь, что это
не от него зависит,
такая, видно, судьба и тому подобное.
И вот, сейчас она говорит
ему его же привычные

дежурные фразы.
А он готов разрыдаться
как ребенок, только бы не отпускать
ее больше никогда в никуда,
в эту чужую и закрытую
для него жизнь.
Кажется, каждая из тех,
кого он так же безжалостно
оставлял в ночи, каждая
готова была бы стать его женой.
А вот сейчас в мужья-то его и не хотят.
Она еще будет у него какое-то время,
и он сможет говорить ей: "Моя!".
Но уж слишком она свободная.
Не все грани ее многогранности
в силах ему охватить.
Такси уезжало в ночь,
он еще долго стоял
на автобусной остановке.

* * *

Любя такое количество женщин,
он успевал еще о них и заботиться.
Он не стеснясь говорил:

"Мне нужно в больницу к N...".
Целовал на прощание и убежал.
Если что-то покупал, то глобально,
например, сразу трех кур.
"Надо завезти девочкам,
ведь я теперь с тобой,
а жизнь сейчас такая тяжелая".
Очень, очень порядочный мужчина.

* * *

Мне нравится гулять
с Катей по субботам.
Это некая новая форма
общения, возникшая благодаря
обоюдному молчаливому желанию.
Она и в пятницу прибегает
пораньше, зная, что я дома одна
сражаюсь с хозяйством.
Нет, так каждый день для нее,
подростка упрямого, было бы много,
ей нужна тусовка.
Было бы больше фальши,
если бы я для себя просила
больше дней и минут...

А тут я иногда даже слышу,
как она с гордостью
заявляет по телефону:
"Я сегодня с мамой",
"нет, не могу, мы
с мамусиком ужинаем",
"тише, не звоните по домашнему,
у меня спит мама".
А я утром в субботу,
как самая счастливая
курица на свете,
хожу на цыпочках, чтобы не разбудить
своего, пока еще бесконечно
растущего, ребенка.
Жарю напрасно сырники,
которые будут
заменены пищей, суши,
Айс ти или *колой*.
Охраняю сон самого любимого
на белом свете,
ленивого, пока еще школьника.

* * *

Хорошо и светло становится,
когда я успокаиваюсь
одна в своей комнате.
Никаких технических шумов,
человеческого гула.
Открыто окно. Мне не холодно,
кажется, наконец, пришла
настоящая весна,
хотя снег тает медленно.
Проснулись мухи,
вчера видела комара.
Сегодня первый раз перед
закатом слышала пение птиц.
Капель даже ночью, значит,
наступил устойчивый "плюс".
Вдалеке, за лесом, иногда —
шум поезда. Рыжий кот обнаглел,
требует одну пачку *Вискаса* за другой.
Я выгнала его гулять, пусть
начинает ловить мышей.
Сегодня тревоги нет.

* * *

Сегодня, наверное, первый
теплый выходной этого года.
Трудно понять,
запоздалая весна или уже лето.
Люди в сапогах и пальто вчера еще
смешными не казались,
а сегодня это так нелепо...
За секунды появились яркие краски...
Открытые топы,
туфли, исчезли шапки...
Но людей слишком много,
слишком долго ждали все тепла.
Я оказалась не готова
к такому потоку на улицах.
Гул заполнил всю голову.
А лица людей всего лишь
в метре от меня стали искажаться
в странные гримасы
из Королевства кривых зеркал.
Скорее всего,
люди улыбались, шумели
и кричали от нормального
весеннего возбуждения.

Мне же казалось,
что они рычат и воют.
Я почувствовала тошноту
и слабость в ногах.

Вечеринка

Вино, оливье, бесконечные
ненужные разговоры, друзья,
пары, флюиды.
У некоторых так всю жизнь,
а у других так когда-то было,
потом надоело.
В этот вечер она почувствовала
к мужу К. замечательнейший,
волнующий трепет.
Муж К. мгновенно это понял.
К. смеялась, танцевала, пела,
возможно, тоже распространяя
вокруг себя всевозможные флюиды.
Но он — каков...
Столкнувшись с ним в тесном
коридорчике малогабаритной
квартиры в районе туалета,
она вдруг поняла, что ее целуют.

Он держал одной рукой
дверцу туалета, где была его жена,
и при этом невозмутимо
целовался с ней. Да, они герои,
на высоте, всех обвели
вокруг пальца... Они еще
долго беседовали о разном,
чувствуя себя победителями.
Но вдруг одновременно
замолчали. Да, они были
слишком умны, проницательны,
красивы, молоды и эгоистичны.
В соседней комнате давно
не звучала музыка.
Оттуда никто не выходил и
было очень тихо, там целовались
его жена и ее муж.

Сомнение

В разряд грехов
я отнесла бы это состояние.
Как много встреч ненужных,
унизительных звонков.
Вопросов глупых, тех,
что задаем мы сомневаясь...
Нелепо вдруг краснея, извиняясь,
потом, терзая нервы, ночь не спим.
Секунды дня листая,
опять себе цены не зная,
все то, что сделано
с таким трудом —
единым росчерком пера сметаю.
Вновь направления меняя,
теряя время...
Многое теряя, а что потом?
Вновь утром — озарение!
Ведь было хорошо!
Верь сердцу своему!
Искорени сомнения!

* * *

В основном, все живут одну жизнь.
Мне приходится проживать
две в одном дне.
В мире людей деловых
с их привычками, традициями,
стилем, сленгом, ритмом,
запросами, капризами,
с их хорошим всем и всем плохим...
В мире людей творческих или,
как говорят, не от мира сего,
с их привычками, традициями, стилем...
На границе двух миров
страшно хочется спать.

Картошка

Я уже собиралась ложиться спать.
Вдруг позвонила моя приятельница
по работе. Дама — огонь, вечно
вся в партиях, профсоюзах и мужчинах...
— Ну, миленькая, ну пожалуйста,
у нас в конторе новенький, короче,
тут маленькая компашка, да,

уже поздно, но расходиться не хочется,
такие ребята..! Мы выпьем чайку...
Хочешь, ты вообще ложись спать,
мы на кухне поболтаем и разойдёмся,
завтра мы все равно уезжаем на картошку.
Кстати, а ты не едешь?
Слушай, ну пожалуйста,
я тебе новенького покажу,
и мы уйдём. Да, да, да...
— Только побыстрее, хочу спать —
Вот они уже сидят на кухне
снямой мною квартиры.
Л. чистит картошку и селедочку.
В. пытается найти штопор
в пространствах полной пустоты.
Я слишком недавно нашла это гнездышко.
Не обжилась ещё, знаете ли...
На кухне чайник, в комнате матрац.
С одной стороны, я всегда дико
сдержана в эмоциях,
с другой стороны, каждое
сказанное мною слово вызывает
взрыв хохота.
Они явно воодушевились,

Л. шепнула мне на ухо, что все супер.
Совершенно неожиданно
этот хваленый новенький К.
посмотрел на меня и встал
из-за импровизированного стола
(доска на табурете).
Чтобы его выпустить,
мне тоже пришлось встать.
Да, он явно намеревался
выйти в коридор, но мы смотрели
уже друг на друга, не отрывая взглядов.
Он вышел, держа меня крепко за руку...
Все тактично промолчали,
а потом долго что-то говорили
нарочито громко.
Он был удивительный.
Я не знаю, когда все разошлись,
мы из комнаты с К. не выходили.
Я очень пунктуальный человек.
Услышав краем уха что-то
про всеобщий отъезд на картошку,
я машинально поставила
будильник на шесть утра.
Если честно, я не очень-то

и запомнила, как его зовут,
не говоря уже о фамилии.
Будильник звенел как майский гром.
Мы сидели на моем единственном
матраце и с удивлением,
нежностью и юношеским восторгом
смотрели друг на друга.
— Сударь, вам уезжать, страна зовет.
Долго стояла, прислонившись
к косяку двери и слушала,
как шумел в сонном доме
уплывающий лифт.
Две недели спустя я сидела
у себя в офисе, день только начинался.
Дверь с грохотом отворилась.
Такой возбужденной своей
хорошей подруги В. я давно не видела.
Она вся светилась. Видно, выезд
на картошку ей пошел на пользу.
Она взахлеб начала молотить
про картофельные дела.
Мол, скука была смертная,
одни старперы.
— Нет, ты слушай, ты ведь не знаешь,

у нас в конторе новенький,
он только устроился на работу,
его сразу на картошку и отправили.
Не... Это отпад. Если бы не он,
тоска была бы вселенская.
Я молча слушала, немного сильнее,
чем хотелось бы, билось сердце.
Подруга В. щебетала, ей казалось,
что она влюблена, оказывается,
К. не женат и вообще, это
действительно, наконец-то, то,
чего она так давно ждала.
Ее голос звучал где-то вдалеке,
в моих ушах шумело море,
если бы меня попросили встать,
вряд ли я смогла бы это сделать.
В. не замечала того, что
творилось со мной.
Да, воля у меня как у истинных арийцев.
Дверь открылась, и вошел Он...
Взглянув, я поняла, что наши встречи,
так неожиданно начавшиеся, еще будут.
Я — это Я...
В. вскочила, защебетала еще громче

и стала нас знакомить.
Мы добросовестно это сделали.
У него оказалась вполне звучная фамилия...
Мы встречались еще пару раз,
но и с В. он встретился не более
все тех же двух раз.
Он просто был молод и красив.
Он любил множество красивых девчонок.

* * *

Он, похоже, старше моего отца.
Дьявол, рядом с ним бегут
по спине мурашки и слабеют ноги.
Давно такого не было.
Хочется принести ему
нитроглицерин,
а потом заняться любовью...

Праздники

Он поступил не честно.
Всегда говорил, что женат,
а это означало, что она не несет
никакой ответственности за его жизнь.

Она только маленький или,
уж если ему так хочется,
очень большой праздник.
И вот тебе на...
Оказывается, они давно
хотели развестись и лишь
из-за дочери этого не объявляли
своим родственникам.
И вот теперь, так как ему очень
понравились их маленькие
и большие праздники,
он созрел и всенепременно
решил на ней жениться.
Кошмар! Да, праздники —
и для нее тоже праздники,
и там нет никакой фальши.
Но есть еще очень много
поглощающих ее разностей,
кроме их праздников,
неприкосновенное...
В какой-то мере это ее трудности
и ее свобода одновременно.
Зря изначально он не сказал
всю правду о себе, зря...

Ничего не менять...

Обычно он ждал ее на перроне...
Стоял у первого вагона
в своем стильном пальто,
с дипломатом, читал газету.
Это случайность, что жили
они на одной ветке метро.
Здорово, можно было
чаще видеть друг друга.
Она работала дальше от метро
и появлялась на пару поездов позже.
Чаще была одна,
иногда с кем-то из сослуживцев.
Они молча ловили взгляды друг друга,
остальное — не сегодня.
Смысл дня:
проехать в метро в одном
вагоне, такая вот маленькая тайна.
У другого дня тайна будет другая.
Они, тихо раскачиваясь в такт поезда,
смотрели друг на друга
поверх голов и газет.
На следующей остановке заходила

в вагон его жена. Он целовал ее в щеку,
брал из рук сумку,
они что-то начинали обсуждать.
Он продолжал спокойно и тихо
смотреть поверх голов и газет.
В другом конце вагона ему
отвечали таким же
вsepонимающим взглядом.
Через одну — его остановка,
она ехала дальше.

Им было хорошо и спокойно.

Поболтать по телефону можно
будет завтра во время работы.

**Ничего не хотелось
менять в своей жизни...**

* * *

Они иногда встречались
после работы, просто чтобы
прогуляться и поговорить.
Им было интересно вдвоем.
Одинаково ощущали биение улиц,
наблюдали жизнь и испытывали
определенную взаимную нежность.

Большого количества времени
для прогулок у них не было,
иногда весь вечер
просто молчали, но это
окружающим могло казаться,
что они молчат. Внутренний голос
говорил непрерывно.
Иногда становилось весело,
они смеялись. Гуляли по
бульварам, сидели в парках,
ходили вдоль набережной
Москва реки. Полулюбившись,
держась за хлястики джинсовых брюк,
они выглядели как подростки,
хотелось шалить,
немного кричать
и целоваться под желтым фонарем.
Ведь если ты уже взрослый,
совсем не значит, что тебе нельзя шалить,
например, пинать ногой камушек
или говорить всем прохожим:
"Добрый вечер!"
Совершенно неожиданно
он сделал легкое

отгалкивающее движение.
Нет, нет, не так, чтобы упасть.
А чтобы непроизвольно
сделать шаг в сторону.
Он всегда был необычайно внимателен,
и она быстро и верно
отреагировала на эту
непредвиденную ситуацию.
Со стороны могло показаться,
что эти двое не вместе.
Он ускорил шаг и перешел
на другую сторону улицы.
Она медленно шла, как и раньше,
и даже приостановилась у одной из витрин.
В отражении было видно,
что к нему подошла девушка,
они громко и бурно здоровались.
Та не могла перестать удивляться,
что видит его в столь неожиданном
для него квартале Москвы,
он что-то принялся объяснять,
дескать по работе и т.п.
Незнакомка, распрощавшись, сказала:
"Вечером позвоню".

Он быстро догнал свою
первоначальную спутницу.
"Подруга жены..."

Он явно был смущен случившимся.
Они тихо шли дальше, молча, как обычно.

**Ничего не хотелось
менять в своей жизни...**

Рюмочка коньяка

На него я даже особенно не смотрела.
Слишком красив, раньше таких
показывали в фильмах про индейцев.
Жутко загорелый, накаченный,
густые, как смоль черные,
до плеч, волосы. Говорили, что он врач.
Он был весел, молод, думаю, до тридцати.
И так упивался своей красотой
и бесконечными, сердечного характера
победами, что трудно было представить
его в роли молодого врача.
Хотя, возможно, это у него в крови,
а "медицина", как и другие особы
женского пола, не оставалась без внимания.

Все сходили с ума,
воздух был пропитан разговорами о нем.
Я же тем временем строила из себя
дико озабоченную своими делами леди,
наблюдая за всем происходящим одним глазом.
Для солидности я обзавелась
двумя друзьями и вечерами
сидела с ними в танцбаре,
потягивая мартини. Мы дружно
делали вид, что нас не интересуют
интриги общества. Почему-то иногда
неприлично громко смеялись,
так делают весьма легкомысленные люди,
чтобы привлечь к себе внимание.
Один из моих друзей был известный
адвокат, другой коммерсант,
обо мне история умалчивает.
Мы вместе гуляли днем,
заполняя не глупыми
разговорами вялотекущий отпуск.
Каждый не отказался бы
от легкого флирта, но, за неимением
такового, посмеивался над
всеобщей любовной лихорадкой,

царившей вокруг нас.
Отпуск — странная штука:
зной, запах моря и звезды
делают людей безумными.
Простившись со своими друзьями,
я честно отправилась в свой
номер спать. Хлопнув дверью,
вдруг почувствовала, что дверь
не хочет закрываться, кто-то
из коридора ее придерживал,
с любопытством выглянула...
и с разинутым ртом
так осталась на несколько секунд.
Все мое остроумие, веселость,
кокетство и ехидство последних
дней мгновенно испарилась.
За дверью стоял он, супермен-врач,
мило мне улыбался.
Не дав опомниться, он выпалил:
"Все время хочу вас поймать,
но вы неуловимы, не заглянете
ли ко мне на огонек, поболтаем".
"О, да!", — мгновенно выпалила я,
а он, как старик Хоттабыч,

быстро испарился.
Теперь дверь закрылась легко.
Итак, что мы имеем: я терпеть не могу
красавчиков, а за ним уже вторую
неделю носятся толпы девиц.
Противный, наверняка врач-двоечник,
еще может подумать, что я струсил!
Поговорить? О чем? О погоде!
Откуда-то возникла непростительная
уверенность, что я смогу
отделаться легкой непринужденной
беседой и с достоинством
удалиться спать.
Да, ситуация неожиданно смешная.
Хотя, вопреки своим
правильным намерениям,
я почему-то метнулась в душ,
вывернула все из шкафа,
сердце колотилось,
как у затравленного кролика, и,
как говорят, я делала все не так.
Через десять минут стало ясно,
что я в капкане. Наверное, он
был врач психотерапевт или,

что еще смешнее, сексопатолог.
Он нагло и очень
интеллигентно улыбался.
Он был великолепен.
Как индеец, мягко ступал
по ковру, зажигая свечи,
абсолютно спокоен,
в него нельзя было не влюбиться.
Эх, я... Так сопротивлялась,
пытаясь выискать в нем недостатки.
В ушах у меня звенело.
После того, когда как гром
прозвучало предложение
откушать коньячку и шоколадку,
я почувствовала себя полной, увы, душой.
Ужас, надо бежать...
Ему же напротив, с каждой минутой
становилось все интереснее.
Отвратительный терапевт
внимательно следил
за каждым моим движением.
Я с ужасом вспомнила,
что лифчик и трусы у меня
из разных гарнитуров,

а под брюками жуткие гольфы,
которые оставляют глубокие
дурацкие следы на ногах, ...
Я ненавидела себя за свой наив,
неуверенность, казалась себе
маленьким гадким утенком.
Он действительно хорошо знал
и понимал женщин.
Значительно чаще к нему в сети
попадались прожженные тигрицы,
да, почти всегда. Он вдруг стал
каким-то простым и уютным.
Мы действительно долго болтали
и пили коньяк. Он хотел меня целовать,
и я не стала с этим спорить,
а потом оторвал от пола,
покружил под музыку и сказал:
"Воробышек, иди спать
и будь осторожнее".
Сейчас я думаю,
что он все-таки хороший
доктор, врач-терапевт...

* * *

Одна прихожу
в шумное место и часами сижу,
наблюдая жизнь за чашкой чая,
за бокалом белого вина или сока,
и обязательно — с чем-то вкусеньким.
Смотрю... смотрю... и пишу.
Не приведи Господь
в эти часы собеседника, не надо.
Гул жизни, толпы, но — одна.
Кричат дети, скандалят взрослые,
гремит посуда, музыка...

* * *

Если есть такая
приятная особенность,
как не полнеющее с возрастом
и не теряющее привлекательности тело,
то, возможно, Всевышний
позволил любить себя,
любить любовь и смаковать вкусенькое.
Возможно, что это
взамен за немалое количество

перенесенных глубочайших переживаний.
Практически не общаюсь с человечеством...
Находясь в гуще событий,
стараюсь пройти
сквозь толпу незамеченной,
вобрав и пропустив
через себя все ее проблемы.
Я чрезмерно, до неадекватности,
чувствительна к биению жизни,
к сумасбродствам своего
ближайшего окружения.
Из-за этого пребываю в состоянии
бесконечного, не проходящего стресса.
Покоя мне, покоя, молю, не дано.
Все мои тревобления и переживания
трансформируются в иные,
более духовные сферы.
Адреналиновая перенасыщенность
уничтожает любые попадающие
в меня калории и жиры,
что приводит к желанию
любить любовь
и все недопустимо вкусненькое...

Руки

Ночь наступает, всем снятся сны...

Руки вздыхают.

Руки упрямые ночью блуждают.

В холод уходят, пальто забывают.

Часто, как дети, подушку обняв,
спят под щекой.

Вместе с нами мечтают.

Руки...

С грустью страницы романа листают.

В поисках истины книги терзают.

И... бесконечно считают... Деньги.

Без денег не купишь еды.

Руки в мозолях землю копают.

Руки ребенка не просят войны.

Руки подонка — стреляют.

Руки живут... Руки страдают.

Руки воруют и убивают.

Руки трусливо трясутся потом.

Гордо кому-то перчатку бросают.

Сжав кулаки, незаметно пройдут.

Но иногда обид не прощают.

Руки...

Руки в пинг-понг бесконечно играют.
Мячик, как выпавший жребий, бросают.
Руки влюбляются, руки скупают.
Ночью, обняв, понимая, ласкают.
Руки...

Золушка

Когда-то слова иностранец, заграница
для многих соотечественников
были за пределом фантастики.
Интеротель, девочки из одного —
запретное и порочное...
Что все-таки, там, внутри
этого загадочного интеротеля, находится?
Непорочным созданиям
очень хотелось бы знать.
Вдруг удастся туда заглянуть,
ну одним глазком, и тут же обратно,
в тихий, как болотная вода,
совковый мир.
Кажется, были зимними
студенческие каникулы,
и впервые — абсолютно явное
ощущение беспредельной взрослости.

Маша сказала, что едет в Питер
к школьной подруге.
Родители в восторге!
Выросла девочка,
сколько всего увидит...
Колыбель русской культуры:
Эрмитаж, Царское село,
Петропавловская крепость,
Невский проспект, Исакиевский собор...
Родители добавили из своей скромной
зарплаты к столь же скромной
стипендии некоторое количество
финансов на весьма познавательную
поездку своему чаду...
Но мысли были уже набекрень:
молодые питерские студенты,
еще более молодые московские
студентки; наряды, культурная программа,
включающая в себя далеко
не только посещение музеев.
Даже просто пройтись
шумной толпой по Невскому,
находясь в центре внимания
вселенной, уничтожая пирожок

с мясом и бульон (традиционное для Питера того времени блюдо), — это было круто.

Быстро сколотившаяся вокруг двух юных и экстравагантных подруг компания засиживалась в одной из питерских коммуналок за полночь. Пили чай, иногда вермут, и была удивительная банка с наивкуснейшим медом, присланная чей-то заботливой матушкой. Периодически дверью соседней комнаты скрипела старуха, напоминая персонаж известного произведения господина Достоевского. Днем бесконечно долго бродили по улицам, переулкам и дворикам, практически ни разу не прибегая к услугам общественного транспорта и тем более такси, везде пешком, иногда сокращая расстояния трамвайными маршрутами.

Один раз удалось всем попасть
на концерт подпольной тогда
группы "ДДТ".
Оставалась еще пара дней.
Девочки были на высоте,
сердца свободны,
кавалеры как на подбор.
Вдруг один из них изрек:
"Может, вечером сходим,
посидим в баре интеротеля?"
Оказывается, у него там
знакомый гэбист, проведет
с черного хода.
Все молча сглотнули слюну...
Мужские взгляды устремились
на супер- подруг.
Положительное воспитание
и социалистическое чувство
ответственности за каждый вздох
вызвали минутную паузу,
понятно, девушки боролись
с искушением.
"Н-да, принимается!", —
радостно ответили подруги.

Начался адреналиновый "оживляш".
Настроение улучшалось
с каждой секундой.
Необходим иностранный прикид,
лихорадочно подсчитывались
карманные деньги коллектива
на такси и хотя бы
на коктейльчик в баре.
Решили надеть шляпы,
их было три, правда,
все мужские, добавили
длинные шарфы, казалось,
все выглядели дико эффектно.
В этот день действовали
исключения из правил,
пришлось воспользоваться
услугами такси, Интернет
обязывал. Да и не идти же по Питеру
в столь чудаковатом прикиде.
Гэбист получил свое вознаграждение,
И вот мы уже на последнем этаже.
— Удивительно, до чего
виртуальна и активна
вырвавшаяся мысль,

как сильна ее энергия, —
подумала московская леди Маша.
В баре было темно и накурено.
Те самые интердевочки
сидели пока еще в одиночестве
вокруг барной стойки.
Иностранцы, со свойственной
им непосредственностью,
не подозревая, что в жизни
могут быть какие-то запреты,
шумели, танцевали
и громко смеялись.
Утомленные содержательными
дневными экскурсиями по Питеру,
они с удовольствием уничтожали
пиво, орешки, мартини...
Маша, потягивая коктейль,
размышляла про себя:
"Родителям ничего не скажу,
за такие штучки отца
могут в 24 часа уволить с работы,
почтовый ящик все-таки,
а меня отчислить из института.
Как безмятежны и свободны иностранцы,

наивные, всему верят, радуются
и хохочут как ненормальные".
Подруги явно выигрышно выделялись,
чувствовалось, что они из иной
коллекции русских красавиц.
Светлана первая стала распространять
захватнически- виртуальные мысли.
Она только успела пискнуть,
что за столиком в углу,
кажется, англичане, а один из них,
вон тот блондин, дико похож
на солиста из ее любимой
группы Rubettes.
Помещение было слишком маленьким,
а мысль стремительна.
Блондин уже шумно вылезал
из-за низкого столика с целью
пригласить Свету на медленный танец.
Супер, ведь она здорово
знает английский. Маша
продолжала болтать с "проводжатым"
через тот самый, черный, ход
и наблюдала за развитием событий.
В определенный исторический

момент времени в дверном
проеме нарисовался
удивительный типаж.
Элегантный, в возрасте,
где-то около тридцати
(восприятие юности),
в шикарных мягких ботинках,
пуловере и ни с какой-то там
сигаретой, а с самой настоящей
дорогой сигарой.
Такое девушки видели только в кино.
Он попросил бармена
отрезать у сигары кончик
и с достоинством и мягкой иронией
осмотрел присутствующих,
наполняя пространство
диковинным ароматом
заморского табака.
В голове у Маши промелькнуло:
"Миллионер!"
Как в сказке про золушку,
она мысленно
уже отправлялась в далекие
немецкие земли в качестве

молодой супруги, а не какой-то там интердевочки!..
Естественно, миновав стены московского Вуза, да и зачем жене миллионера образование. Миллионер мгновенно ощутил присутствие в баре чего-то весьма свежего и чистого.
Их мысли с грохотом столкнулись в пространстве. Сложно понять, каким образом, но они уже танцевали. Он был родом из Австрии, а она великолепно говорила на не забытом тогда еще немецком.
От бокала мартини Маша так разболталась, что он невольно заулыбался.
Девушка объясняла, откуда и почему так хорошо знает немецкий, смеялась, ухитрилась затронуть высокие материи и политику.
Но потом спохватилась:

скорее всего каждый
второй не танцующий
из присутствующих в баре —
представитель известных
всем нам органов (такое было время).
Австрияк явно был приятно удивлен.
Совсем не плохо скрасить
остатки командировки
присутствием юной леди.
Между тем другая, питерская, леди,
Светлана, кипела от
переполнявших ее впечатлений
и английской болтовни,
она была уже куда-то
приглашена настойчивой компанией.
Интердевочки, не подцепив
ни одного иностранца,
бросали косые, озлобленные взгляды
на непонятно откуда взявшихся соперниц.
Это было уж слишком рискованно.
Мальчишки тоже злились,
но надо отдать им должное,
они терпеливо наблюдали
за триумфом подруг.

На полночный бой часов
Маша отреагировала мгновенно,
почти так же, как в той далекой
детской сказке.
Стало понятно: пора вспомнить
о "провожатом через черный ход".
и чем скорее, тем лучше.
Еще правильнее ускориться
не посредством лифта,
а бежать вприпрыжку
через две ступени.
Скорость исчезновения
двух подруг из отеля весьма
потрясла иностранные круги,
но где им понять ту социальную
выправку лучших идейных
девушек советских времен.
Перемешанные чувства усталости,
радости и гордости за всех наших
переполняли их юные сердца.

Банщик

Она приехала в этот
светлый город зимой.

И просто захлебнулась холодным
морским ветром. В квартирах
топили весьма неуверенно.

Выяснилось, что и горячей воды
хватает лишь на
утреннюю чистку зубов.

В остальных случаях воду надо
кипятить и, подпрыгивая на цыпочках
в промозглой ванной, совершать
водные процедуры, а потом,
покрываясь гусиной кожей и
скукожившись как старикашечка,
судорожно облекать себя
во все содержимое чемодана.

Через пару дней она зашла в
одну из достаточно новых
в городе гостиниц с целью пообедать
в пригостиничном ресторанчике.
Тогда все только начинало бурно
и стремительно меняться.

Над дверью уже красовалось
слово "отель". А рабочие думали,
размещать им четвертую звезду
или оставить три
(словно звездность подобного рода
именно рабочими и присуждалась).
Обед оказался на редкость вкусным.
Она уже совсем было собралась
уходить к себе домой, в вечный холод,
как вдруг увидела на одной
из дверей отеля слово "баня".
На всякий случай решила спросить,
есть ли в бане горячая вода,
получив в ответ весьма конкретное,
не лишённое сарказма, предложение
девушки-портъё: "Да! А что?
Хотите записаться? Пожалуйста,
сейчас или когда вам удобно?"
"Вечером", — выпалила героиня.
Надежда на то, что перед сном,
хоть и придется идти через дорогу,
но некоторое количество тепла
будет обеспечено, весьма окрыляла.
Неведомо почему, она всегда

чувствовала себя взрослее,
серьезнее и строже, чем была
на самом деле. Говорят, в детстве
она, проходя под волейбольной
сеткой, сгибалась в три погибели
(как это делали взрослые), думая,
в своем трехлетнем возрасте,
что заденет сетку головой.

Стрелки часов приближались
к намеченному часу.

— Пора идти, — сказала она сама себе,
и вдруг ощутила какую-то досаду,
в этот холодный зимний день
опять почувствовала себя куда
старше и строже, чем бывает
на пороге двадцатилетия.

За дверью с вывеской "Баня",
ставшей вдруг отелем с устойчивыми
тремя звездами, стоял юный
улыбающийся банщик. Он парил
веники, поддавал жару, кипятил
чайник и доставал из шкафчика мед.
От крымской лаванды и его
шокирующей юности голова

пошла кругом. Ну не просить же замены банщика... Этот явно соответствовал уровню отеля, не важно с каким, в конечном итоге, количеством звезд. Простыни шуршали, веники летали, она розовела и млела.

Он профессионально выгонял промозглость последних дней, заметив между делом, что можно и массаж, а еще и с вызовом на дом...

Остаток отпуска рука не раз тянулась к телефону. Одна в пустой квартире...

Да, массаж, это то, что было бы сейчас весьма и весьма для души и тела.

Мысль о приветливом, неглупом банщике заставляла краснеть. Но удобно ли, ведь она такая мудрая и взрослая, а он такой молодой.

Года два спустя, проводя отпуск в том же приморском городе,

она узнала, что в отеле напротив
банщиком работает все тот же
юноша, зовут его Павел,
и он старше ее лет на пять.
Непонятно, почему возраст
в юности имел для нее такое
большое значение в случае
романтических знакомств.
Сейчас это кажется смешным,
подумаешь плюс-минус
пять лет, а то и десять.
Но собственно,
к чему вдруг об этом?

Страх

Липкий удушливый страх.
Вялые ватные ноги.
Руки дрожат, шум в ушах.
И тошнотворная мысль
где-то звенит,
больно сжимая в кулак все, что внутри.
Липкий удушливый страх.
Снова не спать,
снова бояться звонков.

Сколько могу я терпеть,
с ужасом думать "опять..."
Нет, не хочу вновь
покой свой терять.
Надо от страха бежать.
Как мне кулак тот, что
больно сдавил
подреберья, разжать?
Ватным ногам
приказать не дрожать.
Голосом ровным, спокойным
с тобой говорить позвонив.
Точно знать, ты мне
страх не вернешь.
Я спокойно могу спать.
Но липкий удушливый страх —
я не слышу, не вижу лицо.
Словно кукла...
Блуждающий взгляд, шум в ушах.
Это страх.
Он уже было прошел.
Но вот опять...
Видно, страх до конца не прогнать.

Корм

Удивительно, зачем
так много едят люди.
Один, не посторонний мне человек,
восторженно все время говорит:
"Ну, как там корм?" или
"А на выходных будет ли корм хорош?"
Я слышала, так говорят американцы,
но именно эта нация
страдает от ожирения.
А у нас "корм"
продают в зоомагазине,
для ангорских свинок,
свиней как таковых,
и прочей безмозглой твари.
Хотя тварь-то как раз может
контролировать свои рефлексы.
В дикой природе редко
встретишь ожиревшее животное.
Боже мой, как безобразно много
едят люди, сжирая все и вся,
в итоге — себя самое, жизнь...

Люби — это оружие

Не надо воспитателей и педагогов.
Каждый сам по себе уже с момента
зачатия — Личность
или только часть
безликого многообразия.
Люби — это оружие.
Люби свое состоявшееся
или не состоявшееся дитя,
порой совсем не такое,
каким мы бы хотели его видеть,
с его шалостями,
грубостями и непослушанием.
Отчаяние, злость, досада —
лишь факт нашей слабости
и не спасут дитя.
Только любовь может стать
мукой, укором,
угрызением совести
и одновременно спасением.
Каждый бережет и имеет то,
что имеет, что сберег.
У меня есть мое сокровенное —

близкие, напоминающие мое
спрятанное "я".
Да, это сокровенное...
Любить то, что имеем, и беречь...
Любовь — оружие.

Новые краски

Они неожиданно для себя совпали.
Его и ее родственники
отчалили на дачи. Собственно,
они уже успели привыкнуть к своим
ежедневным прогулкам по московским
переулкам, улицам и набережным
на протяжении последних
пяти-шести месяцев. И вдруг,
как гром молнии, сразу две
свободные квартиры. Решили
посидеть вечером у него за
чашкой чая. Посидеть?
Конечно, все это время хотелось
остаться наедине вдвоем
без посторонних глаз, но сегодня
она сомневалась, так ли сильно
хотелось или это только казалось

из-за уже ставших закономерностью
несовпадений. Дополнит ли этот
вечер их отношения новыми красками.
Похоже, что ему было хорошо,
ему ничего не казалось,
он ни в чем не сомневался.
Она не предполагала, что он так
много курит. Его активность явно
не сочеталась с ее романтизмом.
Сизый дым от сигарет заполнял кухню.
Он слишком много говорил,
бесконечно пил чай и постоянно
приглашал обратно в комнату.
Казалось, эта ночь никогда не кончится.
"Как некстати разъехались
наши родственники", — подумала она.
Что-то изменилось. Разбираться,
какие краски добавились
в отношения, не хотелось.
Они больше не гуляли по улицам,
бульварам и набережным.

Вместе

Они офигенно смотрятся вместе...
Первые минут пятнадцать-двадцать.
Когда начинаешь присматриваться,
что-то напрягает.
Вот она уже шипит как змея.
Он начинает отвечать тем же,
или, что еще печальнее,
подхлюпывать и подскуливать.
Хотя его красивый и мужественный
внешний вид совсем не подразумевает слезы.
Но, возможно, ему действительно плохо,
вдруг он реально заболел...
Но в ней нет ни крохи милосердия,
она не знает слов: жалко, заботиться,
жертвовать собой, своим временем,
развлечениями, пищей, сном ради...
Что это, эгоизм временный,
или это навсегда? А как же старики?
Да, пока молоды их родители.
А животные, а дети. Ведь в жизни все
только любовью за любовь — и наоборот.
Но это знаю я, а она?

И почему он все время плачет?
Такой красивый и мужественный.
Почему не хочет он
трудиться в полную
меру своих сил, зачем надеется
на влиятельных родителей.
Как будет жить дальше?
Они так хорошо смотрятся вместе.
А что потом? Всю жизнь держаться
за это: "хорошо смотримся"?
А копни глубже. Жаль, что в них
так много эгоизма. Но, возможно,
им легко и спокойно. Возможно,
это только мне, с моим
восприятием жизни,
многое непонятно. Легче
без жалости и сострадания,
думая только о себе,
о сиюминутных потребностях,
переступая через всех, идти вперед.
Я же иногда ползу к своей цели.
Они, вероятно, быстрее доберутся
до высот, или их высота
не достигнет даже нулевой отметки?

Как знать? Но пока они очень
хорошо смотрятся вместе...
Знаете, другие, из такого же теста,
порой беспредельно избалованные,
мне кажутся и целеустремленнее,
и менее эгоистичными.
Попадают среди них воспитанные,
способные сострадать, чувствовать
не только себя, но и окружающий мир...
Так неужели эти двое действительно
на всю жизнь созданы друг для друга?
Их жизнь — сплошной вулкан
и окружающим лучше сматывать
удочки и бежать прочь, быть подальше.
Но как же они хорошо смотрятся вместе.
Поддерживать отношения
с мужчиной только потому,
что неплохо с ним смотришься,
или в силу того, что он обеспечен,
имеет влиятельные тылы,
или, к примеру,
он хороший врач
и неплохо иметь его при себе,
или он умеет вкусно готовить, —

все это в тысячу раз безнравственней,
чем проявление обычного эгоизма.
Но надо же и эгоисту иметь силы
и мужество говорить «нет!!!»
Не тогда, когда тебе стало
как воздух необходимо
разорвать эти утомительные
отношения, а на полсекунды раньше.

* * *

Если вдруг однажды
Где-то близко
Сердце груз извечный
Сдавит неожиданно сильней,
Сердце остановится всего скорей.
Но не станет ведь больней?

*Незаметно летит время ...
Заметно, как оно летит ...*

Часть вторая

**Миниатюры,
мысли,
зарисовки**

* * *

В пространстве МЫ — бесконечность.
Возможно, МЫ — навсегда.
Кто знает, что же есть вечность?
А что есть судьба?

* * *

Мне так хорошо, но нужно еще:
Цветов, и вина, и светлого дня.

* * *

Зачем? К чему? За что?
На модное пальто
Вы опрокинули
Сок свежий апельсина.

* * *

То, что пока не состоялось, уже есть.

* * *

Ему нужно для кого-то быть,
существовать лишь для себя он не мог.

* * *

Он, вдруг, заснул от возбуждения.

* * *

Мои песни, мысли, сны
Остались на бумаге.
Мои чувства и духи
Остались в темноте.
На твоём плече вчера
Засыпала нежность.
И повисла тишина
В сладкой пустоте.

* * *

Почему, когда что-то делаешь,
Толпы людей, с умным взглядом,
Тебя просят делать это иначе.
В тот момент, когда сами
Вообще ничего не делают.

* * *

О желании поесть:
"Низы уже не могут,
а верхи все еще хотят!"
(вопреки Марксу)

* * *

Он страдает...
полезными рекомендациями.

* * *

Снег, прогорклый снег.
Шел человек.
Путь его был тернист.
Нет, не вверх,
Чаще вниз.

* * *

У многих не хватило терпения,
Многие перестали верить.
А было просто трудно.
Нас ломало, крутило,
Мы умирали, болели, вставали.
Мы сами себя теряли.
Потом, вспоминая, что дни бегут,
Локтями путь разгребали.
Годы теряли, нет, обретали!
И вот, мне кажется, наконец,
На ноги окрепшие встали.
Все громче звучит непростой мотив,
И черствых слов несладкая тема.
Мы не стареем, мы просто забыли,
Что значит для всех слово время.

* * *

"Не напрягай философию", —
это выражение придумалось
в связи с желанием,
чтобы собеседник расслабил взгляд,
убрал сосредоточенность,
перестал думать о чем-то серьезном,
не напрягал мысль.

"Расслабь свою философию,
ты не нравишься мне серьезный".
Сейчас это выражение постоянно
звучит в нашем музыкальном клубе.

* * *

Скажи мне, кто твой друг, —
Узнаешь, кто твой враг.
Таких друзей у нас так много!
Когда карман набит,
Они вокруг тебя...
Толпятся, суетятся у порога.

* * *

Мне часто кажется: вы роете лопатой
Участки потаенные души.

* * *

Чтобы жить дальше,
я испытываю потребность
в получении нового объема мудрости,
покоя и размеренности (хладнокровия).
Просто инъекционного
вливания всего этого одновременно.

* * *

Тащится сломя голову...

* * *

Для знатоков (идет запись вокала)
— Попробуем!
— Если мне сегодня эта
тональность не подходит,
то перенесем ее на завтра.

* * *

Я живу в тебе, пью твою тревогу.
Ночью в темноте слышу нашу боль.

* * *

Чтобы уложиться в видеоряд,
нам удалось сократить песню с 4.20 до 3.80.
Хорошо...

* * *

Слышу ветер, вижу снег, —
Просыпаюсь.
День и снова ночь.
Лица, крыши, скрежет лифта, —
Убегаю.
День и снова ночь.
Взгляд колючий, плечи, люди, —
Задыхаюсь.
День и снова ночь.

* * *

Друг мой, не думай ни о чем плохом.
А я не буду думать ни о чем хорошем.

* * *

Не могу заснуть. Мне мешает грусть.
В гости не звала, — грусть пришла сама.

* * *

Шоу-бизнес — не искусство...

* * *

Не все, что упало, валяется.

* * *

Вот он, этот цвет.
Эта гамма.
Эти мотивы.
Вот, в голове сюжет...
А записать лениво.

* * *

Я не собираюсь
жаловаться на то,
что не признана и не понята.
Собственно, с чего?
Никто не видел
и не знает, чем мы тут занимаемся.

* * *

Прикольно рассказывать о том,
не как живу, а что чувствую живя...

* * *

Человек-паразит,
Гадкий мерзкий вирус.
Он на теле Земли
Как экзема вырос.

* * *

Они взяли друг от друга
все самое лучшее.
Поэтому, в каждом из них
ничего хорошего не осталось.

* * *

Иногда происходит
эпизодическая трансформация
детской сказочки во взрослую,
т.е. в иную плоскость.

* * *

Высота! Высота!
А хочу ли туда? Суета.

* * *

Я люблю мужчин.
Восхищаюсь женщинами.
Наши женщины —
величайшие умницы!

* * *

Звон протяжный, мысли звук...
Шум звенящий в голове,
Вечный в жилах стук.

* * *

Мы совершенно свободные люди.
вся наша несвобода —
есть результат воспитания.
глядя на беспредельную,
разнузданную свободу
людей невоспитанных,
пожалуй, им не позавидуешь.

* * *

А были теплые ведь дни,
буквально несколько, два-три.

* * *

Я буду писать все, что буду,
потому что так много того, чего много.

* * *

Не стоит осуждать
родителей за наше "трудно".
Так странно, когда дочь
во мне видит все "не так".
А мне так хорошо с этим ее "не так".
Нет, не стоит детям осуждать нас,
А нам родителей своих.

* * *

Они приходят, когда тихо.
Разные — веселые и грустные,
порой, до неприличия обнаженные.
А иногда — нервно покрытые
множественными слоями
густой масляной краски.
Они — наплывают, толкаются...
Мешают спать.
Еще громче кричат в шуме
людской толпы и потоках машин.
Им не хватает воздуха —
Они молят о невозможном —
тишины!
Той, первозданной,
хотя бы секунды тишины...
Они захлебнутся в суете,
так и оставшись не услышанными,
исчезнут в ином измерении.
Они — Мысли, Звуки, Стихи.
И Мы с Вами...
Тишины!

* * *

Бронзовая мысль, бронзовая тема.
Я вонзаю смысл среди клавиш белых.

* * *

Я смирилась
с неспешным
течением ночи.
Я в восторге
от привкуса пены
морской.
Звезд капель
в полнолуние гонит
прибой.
Каждый день
мои годы с ветрами
уносит.
Я смирилась,
в бессоннице —
дня продолженье.
И не стоит менять
в сотый раз направление.
От капризов судьбы
в горле вечно першит.
Видно, все — в темноте,
а от солнца слепит...

* * *

— Они дружат, но с интимом завязали?

— Да нет. Они практически не видятся, но оставили интим...

* * *

Если люди мне сегодня
говорят, что я стала выглядеть
лучше, чем в прошлый раз,
значит, в прошлый раз
я выглядела совсем неважно.

Хотя мне казалось и тогда,
что я на высоте.

Видно, понятие высоты
у всех разное, и нам
свойственно заблуждаться.

* * *

Мы на разных планетах.

Мы на разных орбитах.

Надо гением быть,
чтоб другого понять.

Я не стану просить
распознать мою душу.
Очень трудно с тобой,
но я буду молчать.

*Возникает ощущение
Нереальности всего.
Я живу, как отражение,
В Зазеркалье, высоко.
Я спускаюсь на минутку,
Переделать все дела.
А потом спешу обратно
В нереальность бытия.*

Часть третья

Доды

Кто такие доды,
могут ли они преобразовывать
среду вокруг
и вовлекаться в дела земные?
Это погруженные в свой
внутренний мир индивиды,
пребывающие в постоянном
творческом самоосуществлении,
или птицы, парящие высоко в небе
и доселе нам неизвестные...
Так вот, все доды большие труженики.
Спортсмены, художники, поэты,
модельеры, архитекторы, дизайнеры...
Иногда коммерческая сторона
вопроса навсегда уничтожает дода,
а иногда удастся сохранить нечто светлое
и при этом заработать свою
заслуженную копейку...
Патологические, бесконечные роды
песен, стихов, книг, картин —
муки и восторг, люди не поймут!!!
Итак, мы — в ином измерении.

Маленькие сказки —
мысли-странички для детей
и некоторых взрослых.
Но, возможно, и наоборот
для взрослых, и продвинутых детей.
Последнее время мне все
чаще попадаются продвинутые дети...
Повествование ведется от лица
(существа) нового, пока еще мало
распространенного в мире людей —
Дода первого (он же дод "Мозг").
Первый знает, что скоро додов
среди людей станет больше.
Он знает, что есть просто доды,
их и без очков видно прямо на улице.
Ему так же известно, что есть люди,
которые могут стать додами и есть люди,
которые считают себя додами,
но уже никогда не смогут таковыми стать,
слишком они "облюдели" в недобром
и очерстевшем племени людском.
Вот "Мозг" и взялся объяснить всем,
кто же такие доды, чтоб не допустить
проникновения додов-самозванцев

в мир додов, а людям, которые пока еще могут стать настоящими додами, помочь это сделать.

"Мозг" решил однажды:

"Попишу записки, мысли подумаю".

Если люди находят друг друга — это одна история.

А вот когда друг друга находят доды — это один сплошной прикол.

Что ж, начинаю...

История про двух додов...

*Или Сказка без начала и конца
для детей и взрослых, для тех,
кто еще не разучился смеяться и плакать.*

Они называют себя дод Первый и дод Второй. Если бы они жили среди людей, то дод Первый именовался бы "девочка", а дод Второй — "мальчик". Второй обзывает Первого словом "Мозг", т. к. "Мозг" на самом деле все время думает.

Хотя это он не из вредности так обзывается.
Действительно, все доды и люди
из нашей истории уже давно привыкли,
что если наступил новый день,
то лучше сразу узнать у Первого,
что же он там надумал и делать
именно так, как он скажет,
так будет проще и удобнее
прожить очередной день...
Первый так много думает,
что иногда даже не может спать ночью,
возможно, он совсем никогда не спит,
хотя это вполне нормальное
для додов явление. А днем,
когда светит солнышко,
Первый бегает по лесу и
сочиняет стишки,
мурлычит разные песенки.
Второй мог бы называться "Звук".
Он страшно любит играть
на всевозможных музыкальных
инструментах, но количество звуков
в его голове так велико,
что ни один композитор в мире

не способен там разобраться.
Поэтому "Звук"
часто ходит печальный.
Только Первый может утешить его.
Он говорит: "Не печалься,
дод "Звук", послушай лучше
мои стишки и песенки".
Эти два дода все время
друг другу помогают.
Если "Мозг" не может дотащить
какую-нибудь жуткую тяжесть,
то "Звук" незамедлительно
спешит на помощь.
Но их не всегда понимают
в мире людей, а огромный город
отнимает все силы, и доды
перестают слышать свои
волшебные звуки, слова перестают
складываться в стишки.
Все краски листвы, неба, солнца
сливаются в одну — серую.
Доды становятся несчастными.
С ужасом они бегут в свои норки
из огромного, рычащего

автомобилями города
и мира людей-роботов.
Пройдет день или два,
прежде чем снова появятся
краски, мысли и звуки.
Знаете, они никогда не ссорятся.
Иногда, если идет дождь,
один другому из-за малюсенькой
вредности может сказать
какую-нибудь обидность.
Доды, в отличие от людей,
страшно ранимые и хрупкие.
И тогда они оба начинают
горько плакать. Один оттого,
что его обидели, а другой
от досады, что обидел друга.
Самая большая обидность для "Звука"
если "Мозг" говорит, что звуки
какие-то совсем так себе,
и лучше их вообще сделать потише.
Это страшный удар для
дода Второго — все!!!
На него от таких заявлений
нахлынет недельная депрессуха.

Для "Мозга" самая большая обидность,
если ему скажут, что он
фиговатенько поет, неважно
трудится, да и мысли так себе,
и никому они не нужны, эти мысли.
А вообще доды не любят
обижать друг друга. Зачем?
Перестает звучать музыка,
начинается вечный дождь,
не поют птицы, по ночам
не приходит сон.
На самом деле доды очень веселые.
То, над чем смеются доды,
понимают все дети.
А в мире взрослых людей
их понимают не всегда.
Нет! Если знаете язык додов,
то вы с ними не соскучитесь,
они большие юмористы.
Вредные людишки страшно
любят по-разному обзывать додов.
Например, доды — уроды.
Людских обзывалок можно
перечислить на целую страницу.

Но, зачем? Люди не могут обидеть дода!!! Доды давно не обижаются на людей. Додом нельзя стать просто так, им надо родиться. Обычный людь никогда не сможет назвать себя додом, есть исключения, но об этом позже. Доды по-другому пахнут, ходят. Они путают день и ночь, у них своя мода и понятия о красоте. У людей патологическая потребность мешать додам. Но у додов такая судьба. Пока они не разгребут всех проблем, придуманных людьми, просто не будет возможности спокойно трудиться (доды — большие труженики). Вот они как истинные дворники изо дня в день гребут разное, а потом в маленькой чистой норке начинают тихо творить и создавать свое.

Желание выжить среди людей...
Конечно, додов будет
когда-нибудь больше.
Но когда это будет?
Ради своего выживания они
ведут уже почти совсем
здоровый образ жизни.
Едят в меру, почти не курят.
Он (дод "Звук") постоянно
подпиливает "Мозг" за вечерний
бокальчик "красенького",
хотя сам не прочь втихую
раздавить бутылочку пива
или выкурить сигаретку.
Бессонница, она просто жить
не может без этих додов,
сжирает заживо и у них
потом ни звуков, ни голоса,
ни мыслей. Нет..! Надо рвать
пространство вокруг,
цепляясь за жизнь зубами.
Ведь так много есть чего сказать.
Ну, почему там, у людей,
и не болит, и спят,

и все едят, и пьют. А у додов
каждый прожитый день — победа.
Вообще-то они, доды, страшно
любят жизнь. А она-то как раз
в руки не всегда дается.
Иногда, после затянувшейся
бессонницы, на домкратах
поднимают себя из постели
и заставляют трудиться.
Да, не просто выжить,
не просто творить, если ты дод.
Все у тебя, бедолаги,
не так, как у людей.
Казалось бы — мечтай!
Вот тебе пища, вот тебе кров,
так нет — то понос, то золотуха.
В прямом, без переносов, смысле...
Депрессуха, как подарок
ко дню рождения. Ладно бы,
если одновременно у двух
додов сразу, так нет, по очереди.
А это отодвинет на месяцы
радость созерцания
новых картин, спетых песен.

Если люди нашли друг друга,
или доды нашли друг друга —
это значит, они могут вместе есть,
пить, петь, думать и
чувствовать в одной тональности.
И вот когда люди или доды
начинают звучать в одной тональности,
вокруг сразу собираются
темные силы. Додам завидуют
темные силы за то, что у них
рождаются музыка и стихи.
Они пытаются рассеять много
грязи вокруг того светлого,
что делают доды. Иногда
очень хочется, чтобы тебя
услышали, но значительно
спокойнее и безопаснее,
если о тебе знают мало.
Среди додов не может быть
грязных сплетен и интриг.
Когда додов любит людь,
и очень сильно, он постепенно
начинает их понимать.
Доды могут не выжить

среди людей в большом городе.
Людь "Большой" и людь "Кроха"
совсем не жалеют, что когда-то
в их семье завелся "Мозг".
Потому что с ним очень весело,
доды сознательно культивируют
свои чудачества.
Первый все умеет, он за всех
все время думает,
с ним не может быть скучно.
Правда, Первому у людев
"Большого" и "Крохи"
бывает не просто.
Иногда доду кажется,
что он на горячей сковородке.
Ведь они, все трое, постоянно
звучат в разных тональностях.
Еще постоянно звонит телефон,
работает телевизор,
шуршат ангорские свинки,
хулиганит рыжий кот,
шумит в кране вода, горит свет.
Иногда дод не выдерживает
и затыкает уши берушами и

бесконечно ищет норку, где тихо.
Но людь "Большой" и "Кроха"
отыскивают дода, им без него скучно.
На дода невозможно смотреть
без улыбки, он трогательный,
очень маленький, страшно шустрый.
Хотя очень быстро устает.
Людь "Большой" очень любит
своего игрушечного дода
и всячески оберегает его своей заботой.
Еще дод Первый страшно
страдает от людского храпа.
Это трагедия психо-нервно-
паралитического характера.
Люди — страшные существа,
они храпят, но ухитряются
при этом спать очень крепко
и видеть сны. При этом
с невероятным шумом
поворачиваться с боку на бок
и разглядывать свои сны
с превеликим удовольствием.
Например, девяностолетняя
бабушка Первого, просыпается

от зашкаливающего по децибелам
собственного храпа и невозмутимо
спрашивает: "А ты что,
внученька, до сих пор не спишь?"
И тут же, не дождавшись
возмущенного ответа,
сладко погружается в свои безобразия.
В таких ситуациях "Мозг"
не спит и не имеет возможности
разглядывать ни своих, ни чужих снов.
Да еще рискует слететь с кровати,
т.к. огромный людъ, ворочаясь,
подбрасывает на пружинистом
матрасе малюсенького и легкого
как пушинка дода чуть ли не до потолка.
Если дод , не выдержав
такой храповой атаки,
к середине ночи, безнадежно пискнув,
исподтишка подпихнет
огромного люда остреньким
колючим локоточком в мягкий бочок,
то он еще и рискует получить
порцию нравоучений.
Что, дескать, не хорошо будить

ни в чем не повинных людей ночью,
совершенно несправедливо
оказывалось, что дод "Мозг"
бесчувственный и не любящий
эгоист, а так как дод Первый,
как и все другие доды, очень
хрупкий и ранимый, то вторую
половину ночи он горько проплачет
оттого, что обидел людя "Большого"
и еще оттого, что снов ему
опять не видать, как своих ушей.
С грустью, взяв свою подушечку
и одеяльце, он поплетется
на кухню пить чай с медом
и сочинять свои грустные
и веселые истории про додов.
С ужасом будет думать
"Мозг" как от очередной
бессонной ночи весь следующий
день у него будут болеть косточки,
и он не сможет петь свои песенки.
А другие доды будут сочувственно
кивать головками, ведь
они-то все понимают.

Да! Хорошо, но не просто,
приходится додам среди людей.
Дод "Мозг" очень любит своего людя
"Большого" и непослушного людя "Кроху".
Но иногда он молчит и знает,
что нет еще такого языка,
чтобы некоторые вещи, понятные
любому доду даже без слов,
донести до людей. Это очень
странное состояние, когда
тебя не понимают. Дод стоит
и хлопает своими огромными глазами.
Иногда ему начинает казаться,
что именно он должен придумать
этот новый язык, чтобы наступило
взаимопонимание между
людьми и додами. Чтобы лжедоды
не пытались называть себя додами,
а люди, у которых есть додское
восприятие жизни, постепенно
превращались в истинных додов.
Людь "Большой", например,
в силу того, что терпит уже
несколько столетий всякие

приятности и неприятности
от дода "Мозга", тоже иногда
начинает немного "додить".
Ну, во первых, ему очень
нравится многое из того,
что делает дод Первый.
Он пыхтит от удовольствия,
когда слушает трогательные
додские песенки. А книжечки
со стишками, которые по
ночам строчит его дод, людь
"Большой" с величайшей
гордостью дарит своим
приятелям-людям. Жаль только,
что не все они смогут понять,
что там написано, ведь язык
у додов даже не какой-нибудь
там английский...
Иногда, из вредности, а может,
из-за страха, что дод перестанет
сочинять истории, людь "Большой",
даже если не спит, начинает нарочно,
со свистом, подхрапывать,
и все для того, чтобы

Первый не заснул, и, в который раз, взяв свою подушечку, одеяльце, отправился на кухню и принялся писать свои чудесные додианы. Доду довольно чашки горячего чая, и у него появляется вдохновенная страсть, которая приветствуется "Большим".

Большой людь любит называть Первого *пупсик*, но на самом деле Первый ощущает себя побольше из-за большого количества разных дел и мозгов. Поэтому приходится поправлять Большого, *пупс* или *пупсон*, но уж никакой не *пупсик*. Хотя с тех пор, как людь Кроха стал много-много выше дода Первого, а у людя Большого выросли за годы совместной жизни очень большие мышцы, Первый оказался самым маленьким существом в семье. Но почему-то, людь Большой все равно

иногда называет маленького дода:
"О! Великая!". Или наоборот:
"Великая! О..."

Еще Людъ "Большой" очень любит придумывать разные украшения и дарить их доду. Это сильно отличает людя "Большого" от других людей. Многие люди страшно жадные и не любят ничего дарить. Или стараются это делать только по праздникам и то, поскрипывая, напуская на себя от жадности излишнюю важность, рискуя лопнуть как мыльный пузырь. А людъ "Большой" ничего не жалеет для дода Первого. Это и делает его похожим на додов. У него, наверное, из-за того, что он такой большой, огромное сердце. И он, видно, немного знает язык додов. Так вот, когда Первый хорошо выспится в своей

избушке-Перхушке
вдали от городского шума,
потоков машин и людской суеты,
он становится очень веселым,
летает по саду, сажает цветы и деревья.
Иногда страшно хулиганит.
Он ведь большой выдумщик и всем,
кто с ним знаком, не бывает
плохо и скучно. Он очень вкусно
готовит разную пищу, знает
миллион бабушкиных рецептов,
создает уют в разных домах,
домишках и квартирках, вяжет
кофточки и шьет шторы,
двигает разные шкафчики.
Он любит эту жизнь. Прыгает
через бесконечные трудности,
иногда засыпает в креслице
от усталости, а потом опять
куда-то бежит.
Доды не могут без додов.
Они любят своих людей.
Благодаря доду Первому людь
"Большой" и людь "Кроха"

так приятно отличаются
от других людей. Они мягче,
добрее, стараются меньше грубить,
не жадничать. Получается,
что людям очень нужны
один или несколько додов.
И вовсе не удивительно,
что дод Первый, несмотря
на свой хрупкий вид,
воплощенное здравомыслие...
По наблюдениям людей не посторонних,
он никому не уступает в умении
проникать в суть дела, хотя и
пребывает в состоянии
творческом и трехмерном.
Добавьте к этому его поразительную
многогранность и умение радовать
людей и додов от встречи к встрече.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

веселое и грустное...

Мозг задумчивый...
Ходит по саду,

еще не оттаявшему после
затянувшейся зимы.
Сложно понять, веселый
дод Первый или грустный.
Вот и еще одна зима прошла,
скорость ее течения так велика,
что мгновениями кажется:
не было зимы вовсе.
Дод достает из
гаража садовые украшения,
которые привыкли
жить в этом дворике летом.
Деревянные скамеечки и столики...
Семейка гномов, керамический крот,
большой, по-хозяйски важный,
зайчиха в коробочке с шариком...
Дод Первый медленно, но с какой-то
вновь проявляющейся весенней
силой делает привычную работу.
эти игрушки чем-то
напоминают ему себя самого.
Видно, они и впрямь оживают по ночам,
гуляют по саду тогда,
когда доды и люди спят.

Многого стоят ночные мысли,
жаль уплывающих минут и часов...
Постепенно состояние
додовой души улучшается.
Покрасить бы свежей краской
шляпки у гномов. Сегодня к ним
в гости приходила вереница
соседских мальшей.
Дод Звук, сидя на крыльце
избушки-перхушки вслушивается в ветер.
Куда же сегодня потянет на
извечной чаше весов?
В сторону скептического "тосканто",
минорно кричащего:
"все не так, все не то, все не те..."
Или победит солнце,
и в финальном шуме ветра взлетит
чаша весов на теме:
"как же здорово вокруг..."
Очень медленно переходит мысль
из грустной тональности в веселую,
а хочется именно на веселой
ноте оставить в покое эту страничку.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая
Рассказы,
черновые наброски
4

Часть вторая
Миниатюры,
мысли, зарисовки
66

Часть третья
Доды
80

www.tumanovaband.com
E-mail: irina.g.t@mail.ru
tumanova@land.ru
тел.: (495) 772 68 92

Туманова

ОН и ОНА
Избранное

Идея
художественного оформления:
Туманова Ирина

Редактор-составитель:
Пояркова Людмила

Дизайн и верстка:
Горбачева Галина
Пименов Сергей

Формат 60x84/12, Объем 8,21 усл.п.л. Тираж 1000 экз. Заказ 002
“Вердана”, 103905, г. Москва, Брюсов пер., д.8/10, стр. 2